

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2023.03.02

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1440-Х – НАЧАЛЕ 1460-Х ГГ.

Кравченко И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Работа подготовлена в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130

Аннотация. В статье рассматривается внешняя политика Крымского ханства на протяжении правления основателя крымской правящей династии Гиреев – Хаджи Гирея (1441-1466). Именно в правление этого хана Крымское ханство трансформировалось из ордынской провинции с неопределённым статусом в относительно устойчивое независимое государство. С привлечением разнообразных источников польского, русского, литовского и генуэзского происхождения, а также исследований последних лет, как отечественных, так и зарубежных исследователей, изложена история внешнеполитической активности Крымского ханства и ближайших соседей в его отношении. Были намечены, основные направления внешней политики Крымского ханства в этот период: северо-западное (в отношении Польши, Литвы, Молдавии), восточное (в отношении ханов Большой Орды) и южное (в отношении генуэзцев Каффы, княжества Феодоро и Османской империи). Выявлена приоритетность каждого из них и приведена периодизация правления Хаджи Гирея с учётом изменений в его внешней политике. Ранняя история Крымского ханства, в связи с дефицитом источников и их продолжающимся открытием и обработкой, по-прежнему остаётся во многих моментах неясной и нуждающейся в дальнейших исследованиях и осмыслении.

Ключевые слова. Крымское ханство, внешняя политика, Хаджи Гирей, Северное Причерноморье.

Источниковедческая база исследования

В силу крайней скудности собственно ордынских и татарских источников, многие из которых доступны нам лишь в виде зарубежных (русских, арабских, латинских, турецких) переводов, основными источниками по истории как Золотой Орды, так и постордынского пространства (в том числе и Крымского ханства) выступают источники зарубежного происхождения. В случае с Крымским ханством в рассматриваемый период это главным образом русские и литовские летописи [11; 13], польские хроники [21; 23], а также в большом количестве генуэзские документы из Каффы – генуэзского владения, непосредственно соседствовавшего с Крымским ханством и поддерживавшего с ним регулярные дипломатические отношения [15, 16, 22, 24].

Состояние изученности проблемы

Вопросы, связанные с историей Крымского ханства, регулярно становились предметом научных изысканий начиная с присоединения этого государства к России в 1783 г. Тем не менее наиболее ранние годы существования этого государства, а именно перв. пол. – сер. XV в. не могли быть в полной мере исследованы, в силу скудности источников по этому периоду. Немногочисленные упоминания Хаджи Гирея, считавшегося первым ханом Крыма, в русских и польско-литовских нарративных источниках не позволяли выстроить сколько-нибудь подробную картину правления этого правителя. Тем не менее, значительное количество работ по истории ханства, чаще в более широком контексте процесса распада Золотой Орды выходило на протяжении XIX-XX вв. Полной обзор этой историографии не представляется возможным

в рамках этой работы. Исследование в большей степени опирается на ряд ключевых работ прошлого и исследований последних лет. Так, значительный прогресс в отношении рассматриваемого вопроса был достигнут после привлечения в этом контексте генуэзских источников Каффы – итальянской фактории на берегах Крыма. Ещё в начале XX в. это было сделано Л.П. Колли [4], позже Э.В. Даниловой [7]. В начале XXI в. значительный прогресс в изучении этого периода был достигнут с привлечением записей книг казначейства Каффы (массарий). Их изучением занимались А.Л. Пономарев [8; 9] и А.В. Джанов [5; 6]. Дальнейшие перспективы в исследованиях, касающихся рассматриваемого периода в целом, лежат в продолжении разработки источников генуэзского происхождения.

Методология

При выполнении работы автор придерживается принципов историзма, объективности и системности познания, а также ретроспективный, описательно-повествовательный и сравнительно-исторический методы, что позволяет в полной мере проанализировать место Крымского ханства в международной жизни Восточной Европы в 1441–1465 гг.

Процесс распада Золотой Орды и соответственно образования, на ряду с другими постордынскими государствами, Крымского ханства был достаточно медленным и растянутым во времени. Несмотря на то, что в XIV в. Крым несколько раз становился “трамплином” для претендентов на ханский престол Золотой Орды, а уже в 20-е гг. XV в. упоминается отдельные правители Крыма [20, С. 41-42], основателем стабильной династии и по сути дела правителем, сделавшим Крымское ханство действительно независимым от ордынского центра на Волге, стал Хаджи Гирей. В историографии долгое время именно он считался первым ханом Крыма вообще, и в таком качестве почитался и своими потомками.

Специфические обстоятельства прихода к власти этого правителя, уже заложили один из императивов его внешней политики, а именно лояльность к приютившему его в молодости Великому князю Литовскому, непосредственно из которого Хаджи Гирей и прибыл в Крым для занятия престола. Об этом подробно сообщает свод литовских летописей “хроника Быховца” [13, С. 98], а также польская хроника Стрыйковского [23, С. 212-213]. Однако, помимо условного северо-западного направления во внешней политике, Крымское ханство активно действовало также на восточном и южном. Собственно, для определения места Крымского ханства в международной жизни региона, нам необходимо подробно рассмотреть каждое из этих направлений.

В начале своего правления Хаджи Гирей проводил активные военные компании против Сеид-Ахмеда (тогдашнего правителя Золотой Орды и представителя родственной крымским ханам ветви Чингизидов – Тука-Тимуридов) за пределами Крыма. Несомненно, на раннем этапе правления Хаджи Гирея, восточное направление играло наибольшую роль во внешней политике хана, так как именно от положения дел на этом направлении зависело само существование молодого государства.

Об активных боевых действиях едва ли ни с самого воцарения хана говорит запись в книге массарии Каффы от 30 июля 1442 г., в которой сообщается о выдаче подарка некоему татарину, который принёс весть о победе Хаджи Гирея над Сеид-Ахмедом [22, С. 60]. Вероятнее всего, это были в большей степени оборонительные действия, направленные на удержание власти над Крымом, едва ли Хаджи Гирей пытался атаковать Сеид-Ахмеда или тем более идти на Сарай.

В последующие годы борьба Хаджи Гирея с Сеид-Ахмедом была не только борьбой за независимость и сохранение своей власти, но и в целом соответствовала интересам Великого князя Казимира, который с 1444 г. стал ещё и королём Польши Казимиром IV. Это обстоятельство вызвало недовольство среди части литовской знати, ориентированной на независимость Литвы от Польши. Выразителем её интересов в 40-е годы стал Михаил Сигизмундович, сын предыдущего князя Сигизмунда Кейстутовича.

Хроника Стрыйковского сообщает о том, что Михаил сбежал именно к Перекопским (то есть крымским) татарам, которые по его наущению напали на Подолье [23, С. 227]. Имя правителя татар не сообщается, но сложно предположить, что это мог быть Хаджи Гирей. Тем более Хроника Быховца сообщает: “пока жил тот царь Ач-Гирей, был мир между княжеством Литовским и Перекопскую Ордою”, и “ни одна нога поганая татарская безбожных исмаильтян в Литве и в Польше не ступала” [13, С. 98].

Конечно, автор хроники тут несколько лукавит, но доля правды в этом сообщении, вероятно, имеется, все своё правление Хаджи Гирей был лоялен Казимиру, а татары, напавшие на Подолию в 1449 г., были людьми Сеид-Ахмеда. Более того, существует предположение, согласно которому Хаджи Гирей мог вообще потерять власть над Крымом в 1449–1452 гг. в связи с захватом полуострова Сеид-Ахмедом, который воспользовался отсутствием войск Хаджи Гирея, участвующего в походе на Молдавию вместе с Казимиром IV [3, С. 201–202]. Однако оно представляется слабо аргументированным, в большей степени строящимся лишь на гипотетической возможности этого события.

В 1452 г. татары вновь нападают на Подолье, на этот раз сообщается, что под предводительством Сеид-Ахмеда “царя Заволжского”, и берут огромную добычу. При этом часть местной знати спешит к царю с дарами. Однако на обратном пути, при переправе через Днепр, армия Сеид-Ахмеда терпит сокрушительное поражение от сил Хаджи Гирея “царя Перекопского”. После чего Сеид Ахмед пытается скрыться в Литве, но попадает в плен и оказывается заточен в Ковно [23, С. 234–235].

Однако, согласно Яну Длугошу, окончательное поражение Сеид-Ахмеда и начало его пребывания в Литве датируется 1455 г., когда он прибывает в Киев, пользуясь расположением литовской знати, но оказывается арестован королём и заточается в Ковно [21, С. 201]. Так или иначе, обстоятельства пленения Сеид-Ахмеда в этом рассказе говорят о том, что он уже не располагал значительными силами, которые потерял, потерпев поражение от рук Хаджи Гирея тремя годами ранее.

Конечно, все эти события не обязательно следует трактовать как защиту Крымом Литвы. Хаджи Гирею также было важно избавиться от угрожающего его власти хана (к тому же родственника), оказавшегося в непосредственной близости от его владений. Победа над Великим ханом означала повышение статуса крымского правителя и обретение им претензии на власть над всей Ордой.

Явное указание на этот статус встречается позже, когда Хаджи Гирей выдаёт Ярлык Казимиру IV, в котором подтверждает его власть над русскими землями и даже несколько расширяет её – ярлык давал также право на владение Псковом, Тулой и Новгородом Великим [29, С. 230–231].

Такой ярлык ранее могли выдавать русским и литовским князьям только ханы Золотой Орды. В частности, в последующих ярлыках, выдаваемых литовским правителям уже Менгли Гиреем, прямо упомянуто, что такие же документы оформляли отношения Тохтамыша и Витовта [14, С. 4–5]. Что ещё раз говорит о восприятии крымским ханом себя как единственного легитимного правопреемника Золотой Орды.

Так или иначе, в результате всех этих событий Сеид-Ахмед по сути дела сходит с исторической сцены, а его Орду, значительно ослабевшую, наследуют его сыновья [10, С. 251–252]. Ослабление Орды Сеид-Ахмеда было связано с тем, что она по большей части перешла под власть брата Хаджи Гирея – Джаная. Об этом в своём отчёте от 31 января 1453 г. сообщает консул Каффы Боруэлле Гримальди. Он упоминает, что Джанай Гирей султан (Iancharei Soltam) “захватил людей Сеид-Ахмеда” (intercepit populos Seit Acomet), благодаря чему он стал “намного более могущественным, чем Хаджи Гирей” (multo maioris potencie isto Agigarei). И теперь он с этими силами расположился в Илличе (в низовьях Юж. Буга) и оттуда угрожает Хаджи Гирею, что “вызывает у этого Хаджи Гирея некоторый страх” (afferti huic Agigarei alicqualem formidinem) [15, С. 48].

Однако, судя по всему, конфликт между братьями так и не случился, либо быстро закончился, судя по отсутствию дальнейших упоминаний о нем, и место главных противников Крымского ханства в степи занимает Кичи-Мухаммед, который уже довольно давно удерживал Сарай и претендовал на власть над всей территорией бывшей Золотой Орды, в том числе и над Крымом. Борьба с Кичи-Мухаммедом, а затем и с его сыновьями продлится до самого конца правления Хаджи Гирея. Параллельно с ней хан был вынужден реагировать и на другие вызовы.

Так, важным дипломатическим направлением для формировавшегося ханства стал юг. Крым должен был реагировать на экспансию турок-осман и их первую экспедицию к берегам полуострова, совершенную в 1454 г. С этого момента, достаточно давно развивающийся конфликт между ханом и Каффой переходит в горячую фазу. Первым этапом этого столкновения можно считать участие крымских татар в осаде вышеупомянутого города в июле 1454 г. Однако и до этих событий, отношения с генуэзцами у Хаджи Гирея были достаточно натянутыми. Письмо консула Боргуэлле Гримальди (Borghuele Grimaldi) дожу Пьетро Кампофрегозо от 31 января 1453 г. говорит о том, что Хаджи Гирей принимал непосредственное участие в деятельности, фатально бьющей по интересам генуэзцев в регионе [17, С. 30-31].

Консул сообщает, что Каламита (ныне г. Инкерман) стала основным торговым портом для турецких купцов. К его удивлению, товары высокого качества (*quod mirabile est*) из Турции приходят ежедневно, цена на них низка, в том числе из-за низких пошлин и дешёвого и доступного транспорта в Кырк-Ер. В этот город перенёс свою столицу “император татар” (хотя самое раннее упоминание Кырк-Ера в качестве резиденции встречается ещё в 1446 г. [5, С. 91]) и выстроил себе там дворец (*pretorium*). По мнению консула, именно он стоит за всем этим, он водит дружбу “с Олобеем и другими сыновьями Алексея” (правители небольшого горного княжества Феодоро в юго-западном Крыму), которые продолжают убеждать его строить новые причалы в Каламите. Сообщается, что Хаджи Гирей ведёт себя “не как привыкли татарские императоры, но, как если бы он был латинским купцом” (*non ut solent imperatores tartarorum sed uti esset mercator latinus*), что он построил таможенную и теперь получает там большие доходы.

Консул сообщает также и о других торговых путях, огибающих Каффу и Чембало (ныне г. Балаклава), развитием которых занимаются турки при поддержке местных властей. Он сообщает, что турки отлично чувствуют себя в многих портах Зихии (древнее наименование исторической Черкесии), в частности в Севастополисе (ныне г. Сухум). Что касается крымского хана, то и тут, через Воспоро (ныне г. Керчь) он наладил торговый маршрут в Кырк-Ер и Каламиту, минуя таким образом Каффу.

По его мнению, эти инициативы неверных могут привести к полному запустению и исчезновению города, если не предпринять решительные меры. Впрочем, предложения консула ограничивались вооружением судна с полицейскими функциями, что, очевидно, не могло переменить неблагоприятную ситуацию.

Этот документ наглядно демонстрирует, что территориальной османской экспансии предшествовала экономическая, причём Крым она затронула ещё до взятия Константинополя и последующей турецкой экспедиции 1454 г. Ну а крымский хан активно способствовал проникновению в регион купцов-мусульман, для которых торговля через Каффу была менее выгодна, в силу существования отдельной пошлины, которую генуэзцы собирали с “сарацин” [6, С. 195].

Ещё одним свидетельством напряженных отношений является многократное посещение Каффы родственниками хана (матерью, сыном и другими татарами с неустановленной степенью родства), вероятно, посланными им самим для получения крупных подарков и своего рода денежного наказания для генуэзцев. Ведь если бы в подарках было отказано или они оказались бы недостаточно дорогими, это стало бы проявлением неуважения и едва ли не *casus belli* для хана [4, С. 200-202].

Событием, которое действительно серьёзно изменило международную обстановку и ознаменовало собой начало конца генуэзского владычества в Черном море, стало падение Константинополя 29 мая 1453 г. Вместе с Константинополем турки захватили и Перу – генуэзскую

торговую факторию в Галате. Таким образом Каффа и другие причерноморские фактории Республики оказались фактически отрезаны от метрополии.

Весна 1454 г. стала временем ожидания непосредственной атаки турок, чьи военные приготовления консул Деметрио Вивальди отмечает в своём донесении Протекторам Банка от 2 мая 1454 г. (*Non alia dicenda occurrunt quam quod ex multis partibus feritur dominum theucrogrum armatam potentem instruere*) [24, С. 86-87]. Как показали дальнейшие события, эти опасения были вполне обоснованы.

В сентябре 1454 г. консул Каффы отправляет в Геную подробный рассказ о событиях, произошедших летом, а именно об экспедиции в Крым турецкого флота под командованием Демир-Кяхьи и о переговорах с ним и с ханом Хаджи Гиреем. Интересно, что этот документ сообщает о дипломатической деятельности “императора татар”, по крайней мере в том виде, в котором её видели генуэзцы [24, С. 102-112].

Консул Деметрио Вивальди сообщает, что сразу после падения Константинополя и последующей передачи факторий под управление Банка Св. Георгия, ему пришли распоряжения “держатъ согласие” (*intelligentiam prehabere*) с Хаджи Гиреем, “императором татар”, и с Господином Готии (имеется в виду, уже упоминавшееся княжество Феодоро). Однако, сделать это “было невозможно” (*minime fuit possibile*) вследствие того, что Император уже сделал это с правителем турок. По мнению консула, между турками и татарами было установлено соглашение, согласно которому Каффа должна была быть взята силами татарской сухопутной армии и турецкого флота. После этого, генуэзские владения достались бы хану, а султан получил бы в качестве добычи все население города вместе с их имуществом [24, С. 103].

Конечно, сложно сказать, насколько консул был на самом деле осведомлён о деталях дипломатических договорённостей между Крымом и Османами. Однако в дальнейшем рассказе называется ряд довольно точных подробностей. Так, сообщается, что “многими днями раньше” (*plures dies ante*) в Воспоро прибыл турецкий корабль, доставивший обратно в Крым посла Хаджи Гирея, который отправлялся в Константинополь как раз с просьбой отправить турецкий флот к Каффе. После чего этот корабль начал пиратствовать в районе Керченского пролива, а несколько позже был захвачен биремой гражданина (*burgensis*) Каффы Джованни де Нигро (*Iohannis de Nigro*).

Примечательна судьба моряков с захваченного судна. Консул сообщает, что после боя выжило 13 турок, 10 гетов (*getici* – вероятно, жители восточного побережья Черного моря), и 7 неверных из окрестностей Боспора, а также 7 татар, на бирему “взошедших для дохода” (*Iusti ascenderant causa*). Из них “геты” были повешены в петле, турки доставлены в качестве пленников в Каффу вместе с кораблём, а подданные крымского хана посажены на встречные суда для возвращения домой [24, С. 104]. Судьба моряков, видимо, в некоторой степени отображала иерархию дипломатических отношений генуэзцев в Черном море. К тому же подробность рассказа, уверенность в том, с какой миссией турецкий корабль прибыл к берегам Крыма, и сам факт его захвата намекает на то, что информация эта была получена из первых рук, вероятно от самого экипажа корабля, что увеличивает её достоверность.

Документ также содержит и подробное описание непосредственно событий турецкой экспедиции 1454 г. Турецкий флот первоначально подошёл к Монкастро (ныне г. Белгород-Днепровский) и “пытался вести войну” (*bellum agere sunt*), что потребовало отправить туда 70 казаков (то есть — наёмников) (*sociis cazachis*) с 2 комиссарами и припасами, однако найдя это место слишком укреплённым, флот отправился в Севастополь (Сухум). В этот раз турки смогли разграбить город и сожгли 2 генуэзских корабля, находившихся там [24, С. 103].

Далее документ вновь касается турецко-татарских отношений. Согласно ему, турки уже имели оговорённое место встречи с татарами, видимо, для согласования действий против Каффы. Таким местом стало местечко Кавалари (*Cavalarii*), находившееся в сельской округе города Воспоро на крымском побережье Керченского пролива [1, С. 81-83]. Именно туда первоначально прибыл турецкий флот, где с татарами были проведены некие переговоры.

После этого 11 июля флот из 56 бирем подошёл непосредственно к Каффе. Он расположился на якоре на расстоянии одного пушечного выстрела от города. Первоначально турки остановились якобы для пополнения припасов. На следующий день часть из них сошла на берег, однако во время приобретения припасов вспыхнул конфликт, завязалась потасовка, в ходе которой генуэзской администрации стоило немалых трудов удержать людей и не допустить убийства турок, находящихся на суше. Тем не менее в ещё одной стычке 15 человек было убито, и консулу пришлось приносить извинения перед Демир-Кяхьей, которые, видимо, не произвели на него впечатления, так как на следующий день турки пытались устроить пожар в городе, что не получилось у них только в связи с “неслыханным со времён основания Каффы летним дождём” (*pluvie a caffensi origine inaudite non capere*) [24, С. 105].

Стоит отметить, что на протяжении всей осады генуэзцы не бездействовали. В городе все это время присутствовал турецкий посол, с которым, видимо, также велись переговоры. К тому же из города были отправлены лазутчики к Хаджи Гирею и, что более интересно, куда-то в Орду (*l'Ordo*) [5, С. 95, 103]. Суммы выплат, полученные ими, говорят о небольших расстояниях, которые лазутчикам предстояло преодолеть, поэтому точно сказать, шла ли речь о Большой Орде, нельзя.

14 июля к стенам города прибыл сам Хаджи Гирей в сопровождении 6000 всадников и медленно провёл переговоры с Демир-Кяхьей и его капитанами. С некоторым сомнением консул высказывает догадку, что на этих переговорах татары и турки пришли к выводу, что не располагают силами, достаточными для взятия города. Хотя само по себе взятие и разграбление города, а тем более переход его под власть турок, не вполне соответствовали интересам хана.

Так или иначе, вскоре Хаджи Гирей попросил переговорщика от Каффы, однако генуэзцы отказались его дать. Тогда с ними вступил в переговоры Демир-Кяхья, который сообщил, что “император” будет удовлетворён теми договорённостями, которые были достигнуты до его прибытия “из страха перед флотом, который, как мы думали, был больше и сильнее” (*metu classis ipsius quam potentiolem et maiorem extimabamus peracta sunt*).

Эти договорённости предполагали выплату “императору” дани (*tributum*) в 600 соммов ежегодно и 150 аспров ежедневно, что не отменяло выплату “обычных экзений” (*solitaque exenia*) [24, С. 105]. К тому же Каффа обязывалась обеспечить флот хлебом и другими припасами. На первый взгляд сумма весьма значительная, однако вполне сравнимая с расходами на укрепление и вооружение города, которые в 1453–1454 гг. составили 120 000 аспров [5, С. 101].

После этого флот двинулся далее вдоль побережья Готии, “где они причинили большие убытки к чрезвычайному их позору, и никто не сделал им никакого препятствия, затем они отплыли в Константинополь” (*Ubi plura in maximum illarum dedecus dampna intulerunt cum nulum fecerint obstaculi... ..deinde Constantinopoli navigarunt*) [24, С. 104].

Консул, однако, выражает уверенность, что “император” по-прежнему заинтересован в “полном уничтожении” (*nichilare... ..nulationem*) города. Для предотвращения этого он просит отправить из метрополии 4 вооружённых корабля (*navibus quatuor armatis*) и 10 галей (*galeis*) до начала зимы. Важно заметить, что в это время вот уже больше года никакой навигации с Каффой по морю не осуществлялось вследствие блокирования Босфора турками. Однако консул выражает уверенность, что корабли смогут прорваться через проливы, “если будут осторожны вблизи суши”, и доставить в Каффу так необходимых стипендиариев (*stipendiarios*) и велитов (*velitis* – лучники, застрельщики?) [24, С. 107].

Просьба консула осталась неуслышанной, и до весны 1455 г. в Каффу так и не придёт ни одного корабля из Генуи. Зато несколько кораблей, напротив, в страхе уйдут из города, увозя на борту беженцев.

Городу ещё только предстояло заключить официальный мирный договор с Хаджи Гиреем. Вопрос этот, однако, сильно затянулся. Вероятно, из-за отсутствия хана в Крыму, так как 27 сентября 1455 г. генуэзцы узнают, что Хаджи Гирей “прекратил раздор” с неким “другим императором” [5, С. 133]. Видимо речь шла об очередном столкновении с силами Большой Орды где-то в причерноморских степях.

Так или иначе, только с возвращением хана переговоры продолжились. Посредником в них, видимо, выступал князь Феодоро [5, С. 136-137]. Их затягивание, впрочем, было выгодно генуэзцам, как становится ясно из последующих событий 1456-1457 гг.

Согласно одной из армянских памятных записей, относящихся к 1456 г., Хаджи Гирей на некоторое время потерял власть над ханством: “В этом году [1456] пришёл султан Махмутаг и обратил в бегство хана Хатжи-Кирея, и город этот [Кафа] очень рад, да сделает Бог завершение (этих событий) добрым” [12, С. 252].

Помимо этого, инструкцию касательно ведения дел с “новым Императором скифов” содержит письмо в Каффу протекторов Банка Св. Георгия от 27 ноября 1456 г., которое в свою очередь является ответом на рапорт консула от 18 июля [24, С. 658-663].

В ней выражается просьба оказывать хану поддержку в его борьбе с соперниками, причём любыми способами. Также инструкция свидетельствует о благосклонном расположении нового хана к Каффе. Эта информация относится, вероятно, к июню-июлю 1456 г. и была сообщена в Геную в рапорте консула. Любопытно отметить, что и в армянской памятной записи говорится о том, что Каффа была рада воцарению нового хана [24, С. 660]. Что само по себе не удивительно, ввиду политики, проводимой Хаджи Гиреем в отношении города.

Ещё больше свет на ситуацию проливают данные из книг массарии Каффы за 1456 и 1457 г., материалы которых были изучены А. В. Джановым [5; 6]. Эти записи раскрывают куда большее участие генуэзцев в этой кратковременной междоусобице между Хаджи Гиреем и неким Махмудеком. Точнее, оказывается, что вовсе не только Махмудек являлся главным действующим лицом этих событий.

Как выяснилось из записей, ещё 3 декабря 1455 г. консул Каффы Тома де Домокульта выделил 40 300 аспров Иоанну Джентилле, который был послан с ними в московские земли (in Moschi), чтобы привести в Каффу султана Касима, сына Улуг-Мухаммеда (causa conducere Casimum soltanum tartarum filium quondam Ollomascometi Caffam) [5, С. 147-148]. Из дальнейших записей становится понятно, что вместе с Касимом прибыл также его брат Махмудек (не называемый прямо по имени), который далее в тексте называется императором султана (imperator sultani) [5, С. 148]. Вероятно, что поводом к выступлению Касима и Махмудека послужило отсутствие Хаджи Гирея в Крыму в связи с его отъездом в Валахию (известно, что в феврале 1456 г. он покинул Крым) [17, С. 18].

Султаны появляются на полуострове незадолго до 19 июля, а уже 23 сентября в книге массарии Каффы появляются новые счета: “Расходы по случаю прихода Касима султана татарина” и “Расходы, сделанные Джулиано Скварчафико во время войны Хаджи Гирея императора, когда он окружил землю Каффы” [5, С. 154]. Несмотря на краткое перемирие в конце 1456 г. война между Хаджи Гиреем и Махмудеком продолжилась в следующем 1457 г. Судя по регулярным упоминаниям в массариях в этот же период крымского бей Мамака из рода Ширин [5, С. 156], часть крымской знати поддерживала притязания претендента. В начале весны в Каффу прибывает его семья, а уже в конце апреля в книгах массарии упоминается о том, что Хаджи Гирей был им разбит и Махмудек ведёт подготовку к провозглашению себя “императором”. Собственно, под таким титулом он и упоминается в дальнейших записях [6, С. 172-175]. Теперь становится понятно, почему генуэзцы всячески оттягивали выплату дани и заключение мирного договора с Хаджи Гиреем, по итогам переговоров 1454 г., видимо, рассчитывая на смену крымского правителя и более приемлемые условия.

Удача, однако, недолго преследовала новопровозглашённого хана, и уже 15 июля в записях массарии сообщается что Каффа снова окружена силами Хаджи Гирея, что вынудило генуэзцев снарядить посольство для мирных переговоров с крымским правителем. Результатом переговоров становится ярлык Хаджи Гирея Каффе, с фотокопией которого нами велась работа [16], позволяющая согласиться с транскрипцией и переводом выполненными автором публикации этого источника [6, С. 185-190]. Фактически ярлык представляет из себя мирный договор, условия которого были предварительно выработаны на переговорах [6, С. 178].

После разрешения конфликта братья претенденты покинули город сухим путём, видимо достигнув некой договорённости с ханом [5, С. 161]. Кем же был этот загадочный Махмудек? В историографии существуют реконструкции генеалогии этого малоизвестного крымского правителя: так, А. Л. Пономарев считал его Махмудеком – сыном Сеид-Ахмеда, и при этом креатурой ширинского бей Мамака [8, С. 146]. С учётом вероятного крымского происхождения Сеид-Ахмеда от Таш-Тимура эта гипотеза приобретает определённую логику, однако в таком случае теряется контекст “борьбы за независимость” Крыма от Большой Орды, и конфликт становится скорее внутренним.

Условия договора, несмотря на очевидную неудачу генуэзской авантюры со сменой власти в Крыму, нельзя назвать односторонними, где очевидно превалировали бы интересы победившей стороны – Хаджи Гирея. Хан пошёл на ряд уступок в пользу генуэзцев: во-первых, он предоставил в качестве гарантии соблюдения договора своего неназванного сына, ставшего заложником, во-вторых, он пошёл на ряд уступок по некоторым важным для генуэзцев вопросам.

Так, например, по условиям договора ни один другой порт кроме Каффы не должен был быть устроен на подвластных хану территориях, что пусть и не решало проблемы обходной торговли через Каламиту (которая находилась под властью князя Феодора Олобея), но по крайней мере делала невозможной торговлю в обход Каффы через Воспоро и мелкие порты на побережье. Также стороны, вполне традиционно, договаривались о военном союзе, хан обещал быть другом друзьям и врагом врагам генуэзцев, и встать на их защиту как против христиан, так и против “сарацин”. Ещё одним важным условием было обязательство взаимной выдачи преступников, должников и беглых рабов. В предшествующие годы проблема побега должников из Каффы на подвластные хану территории была достаточно острой проблемой для города [18, С. 84-85]. Стороны договаривались также о беспрепятственном перемещении своих подданных на территориях друг друга, генуэзцы обязывались не причинять вреда людям хана, а Хаджи Гирей в свою очередь гарантировал безопасность генуэзским торговцам, проходящим через его владения. Договор также содержит пункт, касающийся берегового права, генуэзцы получали гарантию сохранения своей жизни и имущества в случае кораблекрушения вблизи подвластных хану берегов. Ну и важнейшим пунктом договора, с точки зрения интересов Хаджи Гирея, был пункт, запрещающий генуэзцам принимать у себя кого-либо из детей Сеид-Ахмеда или Мехмеда (вероятно, имеется ввиду Улуг-Мухаммед) [6, С. 185-190].

Впрочем, несмотря на это, неудача все равно достаточно дорого обошлась коммуне: больших денег стоили подарки султанам-претендентам, их содержание и дальнейшие переговоры с Хаджи Гиреем. Несмотря на обязательство Хаджи Гирея не вводить новых поборов, по условиям мира Каффа лишалась возможности сбора налогов с “канлюков” – мусульман, проживающих в их владениях. В целом, по итогам войны 1456-1457 г. Каффа потерпела неудачи, и ей пришлось перейти к старой тактике успокоения и задабривания крымского “императора”.

К 1460 г. относится ещё одно интересное свидетельство дипломатической деятельности крымского хана. Известно, что владыка Лусты Бердибек выступал в качестве посредника между Хаджи Гиреем и неким Биберди (Viberdi), господином Зихии (Zichia). Переговоры должны были состояться в Воспоро, однако Биберди не явился на них, за что Бердибек был казнён Хаджи Гиреем, и Лусту получил во владение Чейхиби – брат казнённого [17, С. 27].

Этот эпизод говорит не только о существовании своего рода татарско-генуэзского кондоминиума на части территории южного берега Крыма и присутствии черкесского элемента в Крыму, но и о дипломатических интересах Хаджи Гирея на той стороне Керченского пролива. Предмет предполагаемых переговоров неизвестен, однако, помимо торговых вопросов, им мог стать вопрос, касающийся возобновившейся угрозы со стороны Большой Орды, которая как раз являлась восточным соседом господина Биберди.

После смерти Кичи-Мухаммеда в 1459 г. его Орду разделяют сыновья – Махмуд и Ахмад. Номинальное старшинство принадлежало Махмуду, и именно его Орда соседствовала с Крымским ханством. Он унаследовал от отца и конфликт с Хаджи Гиреем [10, С. 253].

Первое столкновение с новым ханом случилось в 1460 г., причём в этом противостоянии победу одержал Хаджи Гирей [3, С. 228], однако она была совсем не окончательной.

В 1465 г. Махмуд собрал значительные силы в низовьях Дона, и, как предполагает русская летопись, намеревался идти на Русь [11, С. 186]. На какую именно, точно сказать нельзя, речь могла идти и о Великом княжестве Литовском. В любом случае эта позиция позволяла атаковать с равной вероятностью и северо-восточную, и юго-западную Русь, а также Крым.

Видимо, последнее обстоятельство и заставило Хаджи Гирея нанести превентивный удар и разгромить Махмудово войско. Даже в случае, если целью Махмуда был избран не Крым, Хаджи Гирей спасал от разорения земли своего союзника – Казимира IV. К тому же это ещё больше поднимало статус крымского хана, разгромившего уже второго хана Орды на своём веку [2, С. 30].

Это была последняя победа, одержанная Хаджи Гиреем. Вероятно, что он и не успел в полной мере воспользоваться её плодами. Однако Ян Длугош сообщает, что незадолго до смерти Хаджи Гирею удалось на некоторое время занять собственно территорию Большой Орды [21, С. 398]. Это объясняет и сообщение генуэзцев о надвигающихся против Хаджи Гирея двух братьях “императорах татар” (*nova duorum fratrum Imperatorum Tartarorum venietium contra ipsum*) [9, С. 201] и отсутствии каких-либо последствий этого наступления для территории собственно Крымского ханства. Возможно, речь шла об отвоевании земель Большой Орды у крымского хана, которые он не стал удерживать.

Так или иначе, Крымское ханство значительно усиливается. Увеличивается и его международный вес. В 1466 г. Хаджи Гирея пытаются втянуть в антиосманскую коалицию, однако он отвечает, что поступит так, как поступит Казимир IV [3, С. 230], а польский король совсем не спешил вступать в войну с Мехмедом II. Окончательно ситуация не успела разрешиться. Этот эпизод подтверждает предположение, выдвинутое в начале статьи, о том, что лояльность Казимиру IV поддерживалась на протяжении всего правления Хаджи Гирея. В 1466 г. Хаджи Гирей умирает, и Крымское ханство погружается в очередную междоусобицу между сыновьями покойного.

Таким образом, на протяжении четверти века своего правления, Хаджи Гирей развивал активную дипломатическую деятельность на всех трех обозначенных в начале статьи направлениях.

Несомненно, наиболее важным для молодого государства направления было восточное. Именно из степи, от татарских правителей Поволжья исходила главная угроза независимости Крымского ханства. На протяжении 40-50-х гг. внешнеполитическая деятельность Хаджи Гирея была сосредоточена на борьбе с угрозой со стороны Сеид-Ахмеда и лишь после победы над ним в 1452 г. хан на некоторое время обращается на юг.

Накануне 1453 г. Хаджи Гирей уже успел наладить дружественные отношения с правителями Феодоро и организовать извлечение прибыли из торговли в обход Каффы через Каламиту. Вероятно, это могло начаться ещё раньше и именно с этим был связан перенос ханской резиденции из Солхата в Кырк-Ер, осуществлённый ещё во втор. пол. 40-х гг., что было тесно сопряжено с экономической экспансией нарождающейся Османской империи. С этим растущим региональным гегемоном Крымское ханство также поддерживало отношения, в целях извлечения прибыли из экспансионистских устремлений Осман в отношении генуэзцев Каффы. Об этом говорит активное участие Хаджи Гирея в осаде Каффы 1454 г.

В сер. 50-х гг. хан столкнулся с попыткой генуэзцев повлиять на внутривосточную обстановку в Крыму и проспонсировать его смещение в пользу более сговорчивого кандидата, что вылилось в войну 1456-1457 гг. Итогом войны стало заключение мирного договора и урегулирование отношений с генуэзцами на относительно компромиссных условиях, что поддерживалось как минимум до конца правления Хаджи Гирея.

На завершающей стадии правления хана в 60-е гг. возобновилась угроза из степи, на этот раз в лице Кичи-Мухаммеда и его сыновей, война с которыми завершилась разгромом хана Махмуда в устье Дона.

В отношении же северо-западного направления, на протяжении всего своего правления Хаджи Гирей оставался верным союзником Казимира IV, защищая его владения от недружественных татарский орд и оказывая поддержку в некоторых конфликтах.

Таким образом, успешная внешнеполитическая деятельность Хаджи Гирея на каждом из упомянутых направлений, позволила отстоять и укрепить независимость Крымского ханства, что уже при следующем крымском хане Менгли Гирее сделало Крым одним из ключевых игроков в восточноевропейской политике, оказавшим большее влияние в том числе и на ход русской истории.

Библиография

1. Бочаров С.Г. Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове//Поволжская археология № 4 (22). – Казань, 2017. – С. 81–98.
2. Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды, Киев – Бахчисарай: Оранта, Майстерня книги, 2007. – 367 с.
3. Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. – Казань, 2018. – 491 с.
4. Данилова Э. В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам «Codice») // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка. 1974. – С. 189–214.
5. Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы в 1454–1456 гг. (по данным книг массарии Каффы)// Сугдейський збірник. Вип. 2 (VIII). – Київ. 2019. – С. 79–373.
6. Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства в 1456–1459. По данным книг массарии Каффы.// Сугдейський збірник вып. VIII. – Київ 2021 – С. 163–229.
7. Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика//ИТУАК №50, 1913 – с. 99–140.
8. Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки//Золотоордынское обозрение. № 1(3). 2014. – С. 128–162.
9. Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки ч. 2//Золотоордынское обозрение. № 2(4). 2014. – С. 191–225.
10. Почекаев Р.Ю., Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – СПб.: Евразия, 2012. – 464 с.
11. Полное собрание русских летописей, том XXIV. Издание 1-е. – Петроград, 1921. – 272 с.
12. Саргсян Т.Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам. (XIV–XV вв.) / Отв. ред. В. Е. Григорьянц. Симферополь: СОНАТ. 2010. – 312 с.
13. Хроника Быховца. – М.: Наука, 1966. – 154 с.
14. Ярлык Крымского хана Менгли-Гирея Литовскому великому князю Сигизмунду//Акты, относящиеся к истории Западной России Т. II. – СПб., 1848. – С. 4–5.
15. Andreescu Șt. Un act genovez din 1453 sau despre limitele metodei cantitative // Studii și materiale de Istorie Medie Vol. XXI. Brăila: Editura Istros, 2003. – P. 139–151.
16. Archivio di Stato di Genova. Affari Generali. Cancellaria dei Protettori. Primi concellieri. Unità 2913. 14.09.1457.
17. Assini A. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero//Romania Orientale, 12, 1999. – P. 13-36.
18. Basso E. Caffa 1453: Tensioni interne e difficoltà economiche alla vigilia della caduta di Costantinopoli//Romania Orientale. – Roma, 1999. – P. 59-85.
19. Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. — T. 3: Dzeje Polski za panowania Kaźmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. – Warszawa: W Księż. I. Klukowskiego, 1848. – 544 s.

20. Guillebert de Lannoy. Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1399-1450. – Mons: Hoyois, 1840. – 140 p.
21. Jana Długosza Dziejów Polskich księg dwanaście. T. V. – Kraków, 1870. – 662 s.
22. Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle//Revue De L'Orient Latin. – Paris, 1896 – t. IV – 660 p.
23. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. – Warszawa: Nakł. G. L. Glücksberga, 1846. – 572 s.
24. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio, tomo I (anni 1453-1459), vol. VI. – Genova 1868. – 979 p.

THE CRIMEAN KHANATE IN THE INTERNATIONAL LIFE OF EASTERN EUROPE IN THE 1440s – BEGINNING 1460s

Kravchenko I.V.

Lomonosov Moscow State University

The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement no. 075-15-2022-1130

Abstract. The article deals with the foreign policy of the Crimean Khanate during the reign of the founder of the Crimean ruling dynasty of the Gireys - Hadji Giray (1441-1466). It was during the reign of this khan that the Crimean Khanate was transformed from a Horde province with an uncertain status into a relatively stable independent state. With the involvement of various sources of Polish, Russian, Lithuanian and Genoese origin, as well as studies of recent years, both domestic and foreign researchers, the history of the foreign policy activity of the Crimean Khanate and its closest neighbors in relation to it is outlined. The main directions of the foreign policy of the Crimean Khanate during this period were outlined: northwestern (in relation to Poland, Lithuania, Moldavia), eastern (in relation to the khans of the Great Horde) and southern (in relation to the Genoese of Kaffa, the Principality of Theodoro and the Ottoman Empire). The priority of each of them is revealed and the periodization of the reign of Hadji Gray is given, taking into account changes in his foreign policy. The early history of the Crimean Khanate, due to the lack of sources and their ongoing discovery and processing, still remains unclear in many respects and needs further research and understanding.

Keywords. Crimean Khanate, foreign policy, Hadji Giray, Northern Black Sea region.